

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ XIX—XX ВВ.: ДЕМОГРАФИЯ И СТАТИСТИКА

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.041
УДК 314.02(09) + 351.755(09) + 930.2

Г. Т. Торвальдсен

1) *Университет Тромсё*
Тромсё, Норвегия

2) *Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

НОМИНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕПИСЕЙ: РОССИЯ И ЗАПАД*

В статье на широком фактическом материале впервые представлен комплексный анализ эволюции системы учета населения в мире. Акцент сделан на выявлении особенностей в традициях сбора информации о населении в странах Запада и России: рассмотрен этап создания ранних переписей; переход от статистических к номинативным переписям и процесс развития международной стандартизации; выдвинута гипотеза о том, что практика регистрации населения пришла в Европу из России. Важную роль в формулировании базовых принципов проведения современных переписей сыграл бельгийский академик Адольф Кетле, а благодаря развитию международного сотрудничества в области организации переписей практика их проведения утвердилась в большинстве стран.

Учет населения осуществлялся и в рамках регистрации жизненно важных событий в метрических книгах. Помимо этого, часть стран вела ежегодно обновляемые реестры населения, начиная с XVIII в. В XXI в. часть стран Запада перешла к практике создания реестров населения для конструирования своих национальных переписей. Объединение данных переписей с информацией из метрических книг и других номинативных источников дает уникальную возможность конструирования исторически непрерывных реестров населения.

* Исследование выполнено за счет Российского научного фонда, проект 16-18-10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии» (анализ материалов метрических книг).

© Торвальдсен Г. Т., 2016

© Главацкая Е. М., перевод с английского, 2016

Поскольку круг номинативных источников на Западе уже выявлен, оцифрован и в значительной степени введен в научный оборот, а в России этот процесс только начинается, можно утверждать, что будущее исторической демографии находится в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинативные источники; исторический реестр населения; история переписей; переписи населения; Россия и Запад; метрические книги.

...Будущее исторической демографии связано с Россией...

*Миколай Жолтычек.
Выступление на международном семинаре
«North Atlantic Population Project Meeting»
Копенгаген, 15.04.2016*

Термин «номинативные источники» непривычен для российской историографии, между тем *nominative data* успешно используется в зарубежной традиции исследования истории народонаселения на протяжении нескольких десятилетий [Henry; Bouchard, Roy, Otis; Thorvaldsen, 2011]. Отличительной чертой номинативных источников, классические примеры которых представляют собой ревизские сказки, метрические книги, первичные материалы переписей, посемейные списки и т. д., является наличие имен, которые не всегда содержатся в микроисточниках, как это будет показано ниже на примере западноевропейских и американских переписей. Именно это обстоятельство делает номинативные источники особенно интересными в современном историческом исследовании, поскольку позволяет установить связь между конкретными людьми и событиями, разведенными во времени и пространстве, с помощью метода *longitudinal record linkage* (букв. «выявление дистанционных связей»). Актуальность введения термина «номинативные источники» в отечественный научный дискурс связана с активным разворотом российской исторической демографии к использованию первичных материалов учета населения, содержащих имена и другие персональные данные о конкретных людях [Главацкая, Торвальдсен].

История создания и типы номинативных источников

Практика номинативной регистрации населения, как ни странно, пришла в Европу из России и имеет гораздо более длительную историю на Востоке, чем на Западе. Достаточно сравнить довольно точную перепись в Китае периода династии Хань во II в. н. э. с несистематизированными записями собственности в «Domesday Book», составленной в Англии тысячелетие спустя. Монголы, стремительно продвигавшиеся на Запад Евразии, усовершенствовали китайскую систему налогообложения и распространили ее на захваченные территории Руси в XIII в. Русские князья, а затем и московские цари, продолжили практиковать монгольский вариант регистрации населения с целью сбора дани и после свержения татаро-монгольского ига. В XV–XVII вв. номинативная регистрация

населения существовала в форме Писцовых книг для городов и земель. Ярким примером ранних форм номинативного учета населения в Русском государстве могут служить ежегодно обновляемые Ясачные книги, куда поименно переписывали представителей этнических меньшинств, основу экономики которых составляли охота, рыболовство и оленеводство, и которые платили ясак — налог в пользу государства шкурками зверей ценных пушных пород¹.

Важным этапом в развитии системы регистрации населения в стране стало проведение Подворной переписи 1710 г., в которой впервые учитывалось не только мужское, но и женское население. Опыт, полученный в ходе ее проведения, лег в основу периодически организуемых Ревизий. Административные ресурсы, использованные Петром I, а затем и другими российскими монархами, позволили периодически собирать Ревизские сказки по всей стране до 1858 г. Однако то, что являлось передовым опытом в XVIII в., стало в конце XIX в. анахронизмом в сравнении с развивавшимся европейскими практиками учета населения.

Возможно, на именные списки Писцовых книг обратили внимание европейцы, и в числе прочих австрийский дипломат, барон Сигизмунд фон Герберштейн, посетивший Московское государство в начале XVI в. [Герберштейн]. Отсутствие доказательств существования преемственности между переписями римского периода и современными европейскими переписями населения позволяет предположить, что сама идея регистрации населения с указанием персональных данных, в том числе имени, была привнесена в Европу с Востока.

Попытки введения персонального учета населения встретили упорное сопротивление европейских дворян, особенно английских, которые всячески препятствовали созданию номинативных списков вплоть до начала современной эпохи. В результате, до конца XVIII в. все европейские переписи (общенационального масштаба) методологически были основаны на статистическом, а не на номинативном принципе, т. е. не содержали сведений о персональных именах граждан. Попытки провести персональный учет населения во Франции в общенациональном масштабе не завершились успехом из-за хаоса революционных событий и войн. В итоге, королевство Дания, включавшее Норвегию, Исландию и Фарерские острова, оказалось той западной державой, на территории которой состоялась первая общенациональная номинативная перепись в 1801 г. В 1803 г. Дания организовала аналогичную перепись населения и в принадлежавших ей герцогствах Шлезвиг и Гольштейн. Участие в Наполеоновских войнах на стороне потерпевшей поражение Франции подорвало экономическое положение страны, а проведение переписей требовало больших затрат. В результате, Дания вынуждена была отложить очередную перепись до 1834 г., уступив первенство другим.

Между тем, талантливый бельгийский академик Адольф Кетле (Lambert Adolphe Jacques Quetelet), наиболее известный по исследованиям феномена *average man* (букв. «средний, простой человек»), принял участие в подготовке

¹ Анализ системы учета численности коренных народов Ямала см. в статье Е. Главацкой [Glavatskaya, 2016].

и проведении номинативной переписи населения Брабанта в 1829 г. Учитывая тесные контакты Бельгии, Франции и Дании, вполне вероятно, что Адольф Кетле использовал их опыт и идеи при разработке брабантского формуляра. Далее практика номинативной регистрации стала распространяться по миру. Сначала номинативная перепись была проведена в Великобритании (1841), затем в США (1850), а в последующие десятилетия, благодаря проведению международных статистических конференций, и в других странах [Thorvaldsen, 2016].

В США требование проведения переписей населения каждые 10 лет закреплено в конституции и строго соблюдается. Благодаря этому факту и усилиям Центра изучения народонаселения в Университете Миннесоты (Minnesota Population Center, далее – МРС), США имеет самую длинную по хронологии и почти непрерывную базу компьютеризированных микроданных (номинативных и статистических) переписей за 1850–2011 гг., за исключением материалов переписи 1890 г., погибших при пожаре. МРС значительно расширил свою базу данных (далее БД), включив в них переписи стран Северной Атлантики за XIX в. в рамках проекта «Northern Atlantic Population Project (NAPP)». Одновременно МРС инициировал более широкий международный проект «Integrated Public Use Microdata Series» (IPUMS), в базы которого внесены электронные версии переписей послевоенного периода из 82 стран мира. Базы находятся в открытом доступе на официальном сайте МРС².

Россия провела Первую Всероссийскую перепись населения, охватившую почти всю страну, за исключением Великого княжества Финляндского³ в 1897 г. В какой-то степени ее организация стала результатом международного сотрудничества, в том числе двух прошедших в стране международных статистических съездов. Одним из активных организаторов Первой Всероссийской переписи населения был географ и статистик Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), вице-председатель Императорского географического общества, возглавивший Центральное статистическое бюро. П. П. Семенов-Тянь-Шанский начал свою научную карьеру в качестве студента в Санкт-Петербурге, затем изучал географию и геологию в Берлине под руководством профессоров Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера, которые заслуженно считаются основателями современной географии. Благодаря использованию международного опыта, Первая Всероссийская перепись населения была проведена на уровне лучших европейских образцов. Ее результаты были опубликованы с 1898 по 1905 гг. и составили 121 том. Что касается карточек первичного учета, то они после сведения данных в таблицы, к сожалению, были уничтожены [Edlund].

Если утрата номинативных источников на Западе являлась исключением, в России уничтожение первичных материалов переписей, увы, стало правилом.

² См. официальный сайт проекта «Integrated Public Use Microdata Series»: <https://www.ipums.org/> (дата обращения: 17.07.2016).

³ Финляндия не была включена в программу переписи из-за особого статуса в составе Российской империи и того, что еще со времен своей истории в составе Шведского королевства она располагала достаточно точными реестрами населения, составлявшимися священниками.

Карточки Первой Всероссийской переписи 1897 г., как и материалы всех советских переписей, не сохранились из-за ограниченных возможностей хранения в архивах⁴. Кроме того, не только первичные, но даже агрегированные результаты переписи 1937 г. были преднамеренно уничтожены по политическим причинам, хотя это особый случай, к которому мы вернемся чуть позже. Счастливым исключением стали небольшие массивы учетных карточек переписи 1897 г. и фрагменты переписи 1926 г., известной как Приполярная — самой информативной из когда-либо проводившихся: с подробными описаниями экономики и этнографии народов Севера. Случилось ли это благодаря принципиальной гражданской позиции местных архивистов и статистиков или в результате банального разгильдяйства, остается только предполагать.

Другим типом номинативных источников, дополняющих сведения о народонаселении между переписями, являются списки, составлявшиеся приходскими священниками. В них содержалась информация о числе рождений, смертей и браков, а также о вновь прибывших в приход людях. Одни из самых ранних сохранившихся записей актов гражданского состояния датируются началом XIV в. и были обнаружены в Северной Италии. Содержащаяся в них информация была проанализирована Марком Скольником (Mark Skolnick) [1975] при изучении демографических особенностей в Парме. В Англии священники начали вести записи актов гражданского состояния по всей стране с середины XVI в., однако руководители нон-конформистских общин и церквей не всегда соблюдали эту практику, в результате чего в общем по стране массиве номинативных источников этого типа имеются лакуны. Метрические книги Великобритании никогда не передавались в центральные архивы, так что до сих пор хранятся в местных церковных общинах.

В Дании практика обязательного заполнения церковных книг была введена с 1646 г., а спустя 40 лет она была распространена и на Норвегию, входившую в состав королевства [Thorvaldsen, 1996, p. 83]. Хотя были и исключения, например, священник одного из норвежских приходов Андебу (Andebu) из региона, имевшего тесные связи с Англией, начал вести записи о рождениях и похоронах с указанием персональных данных еще в 1623 г. Передача метрических книг в архивы, к сожалению, не была обязательной в Норвегии до 1876 г., поэтому коллекция церковных книг страны включает не все из ранних записей. Что касается особенностей ведения метрических книг соседней Швеции, то краткая характеристика дана в статье Е. М. Главацкой [2015].

В России метрические книги с информацией о крещениях, браках и смертях были централизованно введены с начала XVIII в., составлялись в двух экземплярах, один из которых отправлялся в центр, другой оставался на хранении в приходе. Практика ведения записей актов гражданского состояния была

⁴ Лишь фрагменты материалов первичного учета по Тобольской губернии, к счастью, сохранились в Тобольском филиале Тюменского архива, а в Хельсинки сохранились карточки первичного учета, заполненные российскими военнослужащими, расквартированными на территории Финляндии.

прекращена в 1919 г., копии метрических книг были изъяты из церквей и переданы на хранение в районные отделы ЗАГСов, а оттуда — в государственные архивы. К сожалению, лишь незначительная часть метрических книг стран Восточной Европы и России была транскрибирована и доступна для исследователей. Проекты по созданию региональных баз данных на основе метрических книг активно развиваются в Университете Бабеш-Боляй (Трансильвания) — «Historical Population Database of Transylvania»⁵ и в Уральском федеральном университете — «Исторический реестр населения Урала»⁶.

Между двумя полюсами — США с их богатейшими номинативными данными из переписей, транскрибированными в базы данных (далее БД) (до двух миллиардов человек), и Россией, с номинативными данными ревизских сказок и метрических книг в процессе транскрибирования, — находятся страны, где сохранились церковные реестры населения, переписи и метрические книги. Больше всех в этом отношении повезло Швеции и Нидерландам, которые располагают готовыми реестрами населения, составившимися священниками, начиная с XVIII в. Три шведские БД, созданные на основе этих источников университетами Умео, Лунда и Городским архивом Стокгольма, содержат информацию о населении пяти провинций, включая столицу с 1876 до 1928 г., в том числе данные о миграции и уровне образования, которые редко встречаются в исторических документах. Объем сохранившихся в стране номинативных источников требует использования компьютерных методов нового поколения для их обработки, поскольку при имеющихся технологиях материалы по всей Швеции будут внесены в общую БД только в XXII в.

«Historical Sample» — БД Нидерландов, аналогичная шведской, включает репрезентативную для страны выборку данных о 78 000 граждан с 1812 г. до 1922 г. Это составляет от 0,25 до 0,75 % всего населения Нидерландов в рассматриваемый период, что позволяет проводить на этом источнике исследования общенационального значения. Результаты, полученные на основе аналогичного анализа БД Швеции, будут, строго говоря, действительны только для регионов, по которым имеются данные. Однако достоинство шведской БД в разнообразии ее информации и в том, что две области включают данные за более длительный период в три столетия, с XVIII до XX в. включительно. Кроме того, национальные архивы Швеции ведут работу по транскрибированию всех переписей населения страны с 1860 по 1950 г., которые будут в открытом доступе. Такие материалы позволят проводить исследования и получать результаты уже общенационального значения. В отличие от Швеции и Финляндии, в Датском королевстве, включая Исландию и Норвегию, только в редких случаях сохранились церковные реестры с ежегодно обновляемой информацией о домохозяйствах. В системе «Decode» — единой системе номинативных данных

⁵ См. официальный сайт проекта «Historical Population Database of Transylvania»: <http://hpdt.granturi.ubbcluj.ro/> (дата обращения: 17.07.2016)

⁶ См. официальный сайт проекта «Исторический реестр населения Урала» (Ural Population Project): <http://urapp.igni.uurfu.ru> (находится в процессе разработки).

Исландии, — фрагментарные церковные записи и переписи населения, начиная с XVIII в., связаны с другими письменными источниками и устной традицией. Анализируя материалы этой системы, можно исследовать семьи исландцев на протяжении нескольких веков, некоторые даже с XIII в. Особенности системы номинативного учета в Исландии отмечены в статье Е. М. Главацкой [2015].

В Норвегии научное сообщество при поддержке Национального научно-исследовательского совета (Research Council) создает общенациональный исторический реестр населения, включающий данные о гражданах страны с 1801 до 1964 г., с которого начинается современный Центральный реестр населения Норвегии. В Дании осуществляются аналогичные планы по созданию исторического реестра населения страны на весь XX в.

Многие европейские страны использовали данные современных реестров при подготовке и проведении переписей 2011 г., уточняя их с помощью заполнения дополнительных анкет [Olson; Eurostat]. Основная цель этого предприятия была в получении одноформатных для Европы агрегированных данных переписей, хотя номинативные списки также были созданы. Доступ к (анонимным) микроданным также технически осуществим, хотя эти данные будут извлечены из реестров. Появление современных реестров населения в европейских странах сгладило исторически сложившуюся разницу между теми, кто делал основной акцент на переписях населения, и теми, кто больше внимания уделял регистрации жизненно важных событий. Из-за усиления единообразия и унификации реестров населения, из них, к сожалению, исчезла значительная часть информации, которая позволила бы отслеживать специфику отдельных групп населения, как на национальном, так и на международном уровне. С другой стороны, поскольку реестры позволяют значительно сократить расходы на проведение переписей и дают возможность решать многочисленные дополнительные административные задачи, вполне вероятно, что все большее число стран последует примеру создания национальных реестров населения и перестанет проводить переписи.

Что касается перспектив создания БД на основе номинативных исторических источников, то централизованное финансирование транскрипций, кодирования и установления дистанционных связей между упомянутыми в них людьми будет сокращаться. Его место займут коммерческие проекты финансирования генеалогических изысканий, часть средств которых пойдет на оплату работ профессиональных историков, гарантирующих качество транскрипций, корректировку и кодирование. Кроме того, активно развивается направление, связанное с использованием компьютерных методов для осуществления автоматической транскрипции рукописных источников. На данном этапе уже возможно распознавание информации в полях, где записаны простые данные: дата или пол. Однако есть основания рассчитывать, что вскоре станет возможным автоматическое распознавание записей имен и профессий. Несоответствия, выявленные при сравнении транскрипций, сделанных компьютером и генеалогами на коммерческой основе, будут корректироваться профессионалами на этапе проведения контроля за качеством транскрипций.

В тех случаях, когда сохранились номинативные источники с перечнем рождений, браков, смертей и миграций, информация, содержащаяся в них, заполнит десятилетние промежутки между переписями. В итоге, на основе единой БД можно будет сконструировать перепись на любой исторический момент: например, сформировать переписи 1940–1941 гг., которые не состоялись во многих европейских странах из-за войны. Сотрудничество с генеалогами актуально и для установления и уточнения возможных связей между людьми, упомянутыми в источниках, поскольку реконструированные ими родословные помогут уточнять и детализировать исторический реестр населения. В Норвегии уже создан веб-интерфейс, успешно действующий на основе краудсорсинга для построения национального исторического реестра населения страны с 1801 по 1930 гг.⁷

Сбор микроданных о населении: эволюция идей и практик

Истоки социальных исследований и демографической статистики были тесно связаны с развитием исторической научной мысли. Картезианский метод, используемый со времен Декарта, предполагал выделение и тщательное изучение простейшего компонента в каждом ряде исследуемого объекта. Именно по этому принципу собиралась информация о каждом человеке из церковных записей или переписей. Далее, все детали складывались в единое целое, формируя общее представление об объекте исследования, скажем, о численности или миграциях населения, на основе данных из различных частей источника. Все вместе они обеспечивали общее представление о демографических изменениях в обществе [Olson].

Изначально сбор информации о численности населения, безусловно, был связан с необходимостью решения чисто практических, прежде всего военных и фискальных задач. В дальнейшем переписи и регистрация актов гражданского состояния стали проводиться властями для оценки человеческих ресурсов страны и определения направлений экономического развития. Перепись населения являлась инструментом контроля за населением, рост численности которого считался показателем благополучия государства. В XVIII в., в частности, численность населения страны являлась основным критерием в оценке успешности политики меркантилизма и общественного процветания. Именно последняя цель подчеркивалась последователями традиции камерализма: власти должны направлять экономику на рост общественного благосостояния, благополучия, морального духа и физического здоровья населения [Olson, p. 134]. Эти идеи оказали серьезное влияние на повышение качества ведения церковного учета населения в течение XVIII в. Правительство требовало, чтобы священники

⁷ См. официальный сайт проекта «Historical Population Register»: <http://histreg.no/> (дата обращения: 15.07.2016).

снабжали их информацией, необходимой для организации сбора налогов, судебных разбирательств, призыва на военную службу и наследования.

Таким образом, установление размеров населения в определенный исторический момент и изучение миграций и роста численности населения обусловлено как развитием исторической науки, так и практическими потребностями управления государством. Церковные круги, в свою очередь, всячески противодействовали развитию демографического учета и исследований на основании того, что, согласно Священному писанию, это, якобы, противное Богу дело [Glass, p. 19]. В Библии действительно есть сюжет о том, что Бог наказал Израиль «моровой язвой», поразившей 70 000 человек за «счисление» мужского населения, способного нести воинскую повинность, проведенное в царствование Давида (Пар. 1. 21:1–7; Цар. 24:1–15). Именно к этому сюжету о «божьей каре» за перепись апеллировали священнослужители в оправдание своего сопротивления проведению учета населения. Хотя можно предположить и более прозаическую причину нелюбви священников к переписям: они прекрасно знали, кому именно предстояло осуществлять всю работу. Переписка датских и норвежских епископов и их отчеты о посещении приходов страны свидетельствуют о том, какие усилия они прилагали, чтобы заставить священников вести церковные записи [Dyrvik, p. 36].

Есть и политическая причина сопротивления проведению учета населения: его организация требует наличия сильной государственной власти, способной запросить необходимые сведения у представителей местных властей. Последние не без оснований чувствовали угрозу утраты контроля над подведомственными территориями. Яркий тому пример — перманентное сопротивление проведению переписи в Великобритании, особенно со стороны членов Палаты лордов, представлявших местное дворянство [Glass]. В результате, первую перепись в Великобритании удалось провести лишь в 1801 г., но и тогда были получены микроданные на уровне чистой статистики: ни один лист с именами не был передан центральным властям.

Результатом перехода от статистических к номинативным переписям стало то, что государство получило контроль за процессом учета населения и вся процедура регистрации стала проходить на более высоком научном уровне. Располагая информацией, собранной переписчиками в форме анкет о каждом гражданине, стало возможно проводить более точные подсчеты по разным параметрам населения. Если возникали неувязки или сомнения, статистики центральной администрации могли запросить дополнительную информацию и разъяснения от переписчиков на местах. Сначала Дания и Франция, а затем Бельгия, Великобритания и США перешли на проведение номинативных переписей.

Норвегия, как ни странно, отставала в этом отношении и не была вовлечена в общеевропейский процесс вплоть до 1865 г., когда директор Центрального статистического бюро Норвегии Аннеш Николай Кхяр (*Annesh Nikolai Kier*) активно включился в международный дискурс по проведению переписей. Первая

номинативная перепись в Норвегии, являвшейся частью Дании, была проведена еще в 1801 г. [Lie, Roll-Hansen]. Однако центр по ее организации и администрированию находился в Копенгагене, и после выхода Норвегии из состава королевства все специалисты в этой области оказались за ее рубежами. Кроме того, большинство членов парламента Норвегии в равной степени опасались увеличения государственных расходов и создания дополнительного ресурса усиления влияния Швеции.

Отцом современных переписей вполне можно назвать талантливый бельгийский академик Адольф Кетле (1796–1874). В ходе организации регистрации населения в Брюсселе в 1842 г., Кетле выработал основные принципы ее проведения, которые были одобрены городскими властями Брюсселя, а позднее и Центральным статистическим комитетом Бельгии. Модель Адольфа Кетле основывалась на следующих восьми принципах:

1. Перепись должна быть номинативной и должна проводиться путем заполнения типографских анкетных листов во всем Брюсселе, по ситуации на определенный день (15 мая 1842 г.).

2. Информация заполняется по принципу одна анкета — одно домохозяйство⁸. Каждая анкета нумеруется, и этот номер записывается в книгу регистрации в день передачи анкеты с указанием улицы и дома, по которому данное домохозяйство зарегистрировано.

3. Анкеты для заполнения должны быть розданы не более чем за восемь дней до даты проведения переписи. Раздачу анкет осуществляют восемь регистраторов в сопровождении местного полицейского; каждый в закрепленном за ним районе города.

4. Эти же восемь регистраторов, начиная со дня переписи, должны собрать заполненные анкеты и рассортировать согласно номерам, присвоенным в день раздачи и записанным в книгу регистрации.

5. Заполненные анкеты должны быть немедленно переданы в ратушу для первичной инспекции. В случае необходимости анкеты возвращаются в домохозяйства для заполнения пропущенных полей, уточнений и исправлений.

6. Представители центрального комитета осуществляют контроль за проведением регистрации и помогают регистраторам провести единообразный учет во всех восьми районах города.

7. По окончании переписи городская администрация подводит предварительные итоги, сведенные в таблицу определенного образца⁹.

8. После подведения итогов на уровне муниципалитета все анкеты должны быть переданы в Центральный статистический комитет, который подводит окончательные итоги переписи, исходя из того, какая информация необходима для администрации и исследовательских целей¹⁰.

⁸ Пример анкеты для проведения переписи 1842 г., предложенный Кетле, см.: [Quetelet].

⁹ Образец таблицы для подведения предварительных итогов, предложенный Кетле, см.: [Ibid.].

¹⁰ Перевод сделан Г. Торвальдсенем и Е. Главацкой с французского издания книги [Ibid.].

Именно эта Брюссельская перепись была взята за основу, активно обсуждалась, корректировалась и была рекомендована международному сообществу статистическими конференциями, которые с 1853 г. регулярно проводились в крупных европейских городах. Адольф Кетле был главным организатором восьми из них и прилагал немало усилий для убеждения зарубежных коллег-статистиков использовать международные стандарты при организации национальных переписей.

Международное сотрудничество в проведении переписей: успехи и неудачи

Как было показано выше, двухсторонние контакты между странами оказывали позитивное влияние на проведение переписей и в прошлом, но с 1850-х гг. международные организации начали координировать переписи населения в различных странах, прежде всего через систему проведения международных статистических конгрессов. Однако несистематическое участие в них крупных стран, в том числе США и Германии, привело к тому, что в 1870-х гг. конгрессы перестали проводиться. Их возобновление на регулярной основе связано с созданием в 1885 г. Международного статистического института. После окончания Первой мировой войны Лига наций приняла на себя обязанности по координации в организации учета населения, однако, лишь руководству Организации Объединенных Наций удалось скоординировать проведение переписей [Woollard].

Международное сотрудничество в области регистрации населения касалось различных аспектов, в том числе координации времени проведения. Многие страны последовали примеру США и стали проводить переписи в годы, оканчивающиеся на «0». Однако Великобритания, а вслед за ней и все страны ЕС, продолжили организовывать свои переписи в годы, заканчивающиеся на «1».

До середины XX в. не удавалось выработать единую международную систему классификации профессий. Разница позиций проявилась и в решении вопроса о том, следует ли в переписях относить домашних хозяек к категории «работающих»? В США, например, тех, кто в своем персональном листке учета не записал занятия, которое бы приносило доход, в агрегированные таблицы просто не включали. Кроме того, в разных странах существовали принципиальные различия в системе иерархии занятий, исторически и культурно обусловленные. Это затрудняло достижение компромисса и не давало возможности проводить сравнительный анализ данных переписей. Норвежские статистики, например, разработали трехуровневую систему классификации профессий, введя понятие «среднего класса», которая почти столетие успешно использовалась ими, пока Международная организация труда не ввела в 1960 г. унифицированную систему классификации занятий ISCO (International System Classification of Occupations) [Lie]. Разработанная норвежскими статистиками система, связывавшая профессию и доход, позволяла понять, как, реформируя избирательную систему,

можно повлиять на состав избирателей. Таким образом, они попытались связать перепись и демократизацию страны.

Наибольшего успеха международному сообществу статистиков удалось достичь в стандартизации раздела, в котором регистрировалась этническая принадлежность или, как они ее называли в то время, «национальность». Большинство стран последовали рекомендации регистрировать национальность, исходя из языка и культурных особенностей человека, а не его происхождения. На первом международном съезде статистиков было рекомендовано включить вопрос о языке в опросный лист переписи, а по решению съезда, прошедшего в 1872 г. в Санкт-Петербурге, этот вопрос окончательно вошел в перечень обязательных при проведении переписи населения [Hobsbawm, p. 97–100]. Национальность было легче стандартизировать, поскольку не все страны включали этот вопрос в переписные листы; он имел смысл только при регистрации представителей этнических меньшинств и мониторинге распространения доминирующей культуры и языка.

Любопытная ситуация сложилась и вокруг еще одного важного маркера идентичности — религиозной принадлежности. В поликонфессиональных США, например, никогда не задавался вопрос о религии в переписях, в то время как Великобритания ввела его в начале XXI в. именно в связи с тем, что стала становиться все более разнообразной в религиозном отношении. Вопросы о религии в переписях не столь стандартизированы, как хотелось бы с научной точки зрения, но даже в нестандартизованном варианте они дают возможность получить интересную информацию о населении. Большинство переписей, содержащих в опросных листах раздел о религии, нацелены на определение численности религиозных сообществ. Интересное исключение представляла собой советская перепись 1937 г., при подготовке которой власти ставили целью получить результаты, свидетельствующие о росте числа атеистов в стране. Заполняя формуляры этой переписи граждане сначала должны были сообщить, являются ли они верующими, а потом, в случае утвердительного ответа на первый вопрос, указать свое вероисповедание [Жиромская].

Пока более чем в половине стран мира при проведении переписей не задается вопрос о религиозной принадлежности, нет возможности определить численность сторонников той или иной религии в мире даже с точностью до одного миллиона. Именно исходя из этих обстоятельств, Евростат во время очередного раунда переписей в 2011 г. рекомендовал странам — членам ЕС включить в свои переписные листы вопрос о религии в формате необязательного ответа. Этой рекомендации последовали многие европейские страны, в том числе Великобритания, Германия и Польша. Что касается стран Северной Европы, то они вместо проведения переписи сконструировали одномоментные реестры населения, в которых религиозная принадлежность, к сожалению, не отражается [Thorvaldsen, 2015].

Разные подходы проявились у стран и в решении вопроса о принципе сбора информации во время проведения переписей. Россия, Великобритания и ряд других стран при регистрации людей придерживались принципа *de facto*, в то

время как США, Канада и Швеция переписывали население по принципу *de jure*. В целом, в странах, где налогообложение или выборы были основным обоснованием необходимости проведения переписи, применялся метод регистрации населения *de jure*. Однако международные статистические конгрессы, изначально рекомендовавшие комбинированные методы регистрации, в конце концов приняли решение в пользу поддержки принципа *de facto*, считая его самым простым способом глобального мониторинга населения. Информация о населении, собранная по принципу *de facto*, дает возможность проводить демографические исследования разного типа, однако может создать и искаженное представление о составе больших семей из-за отсутствия в момент проведения переписи кого-то из родственников [Thorvaldsen, 2006]. До второй половины XX в. метод проведения переписи *de facto* был более распространен в мире по той простой причине, что его использовали в России/СССР, Британской империи и большинстве стран Латинской Америки [Chackiel]. В какой-то степени использование принципа *de jure* при проведении переписей можно связать с демократическими тенденциями в обществе, а *de facto* — с колониальными. Хотя были и исключения, например, Алжир, являвшийся французской колонией, с 1881 г. использовал комбинированный метод регистрации населения при проведении переписей [Domschke, Goyer, p. 36]. К концу тысячелетия принцип *de jure* получил большую поддержку. В условиях высокой мобильности населения, растущей популярности туризма, результаты переписи, проведенной по принципу *de facto*, не дают возможности оценить реальную численность населения и его демографические особенности. Исследования состава домохозяйств и миграционных процессов, основанные на материале, собранном с использованием методологии *de jure* при проведении переписей, гораздо более точные. Кроме того, утверждению принципа *de jure* способствовало то, что значительное число стран перешло на конструирование единовременных переписей на основе национальных реестров населения. Указание на постоянное место жительства абсолютно необходимо в тех случаях, когда нет сведений о местонахождении каждого конкретного человека на день переписи.

Регистрация населения до начала Второй мировой войны

Еще до конца XIX в. США, безусловно, стали пионерами в области технического усовершенствования проведения переписей благодаря использованию уже с 1890 г. электрических счетных машин. Но они же были одними из последних в деле создания статистического комитета, который бы продолжал работать и в период между переписями. США ввели эту практику лишь в 1902 г., спустя четверть века после Норвегии, отстававшей в других областях организации современных переписей, в частности в переходе на номинативную регистрацию. Консерватизм США проявился и в том, что они оставляли формуляры учетных листков переписи практически неизменными с 1890 по 1930 г., когда в условиях разразившегося в стране экономического кризиса был введен вопрос о безработице. Это

была срочно необходимая информация, и Бюро переписи захлебнулось в подсчетах, будучи вынужденным подвести итоги в кратчайшие сроки. В результате, статистики США ввели такие новинки, как выборка данных по определенным показателям и введение дополнительных вопросов, таких как место рождения родителей у одного-двух человек в каждом домохозяйстве [Anderson].

Великобритания, Франция и скандинавские страны смогли наладить регулярное проведение переписей еще до начала Второй мировой войны, а Дания и Швеция отчасти смогли провести перепись и в 1940 г. Однако в Германии и России (с 1922 г. Советский Союз) нестабильные политические условия не дали возможности регулярной организации переписей. Запланированную в России на 1910 г. Вторую всероссийскую перепись населения пришлось отложить из-за нехватки финансирования до 1913 г., а после вступления страны в Первую мировую войну от нее вовсе отказались. Лишь в августе 1920 г. на части территорий страны, охваченной Гражданской войной, была проведена регистрация населения. Таким образом, между переписью в 1897 г. и Всероссийской переписью 1926 г. года прошло три десятилетия. Перепись 1926 г. была организована и проведена в соответствии с лучшими международными традициями, а ее результаты были опубликованы в 56 томах на русском и французском языках. В рамках проведения переписи 1926 г. большевики организовали еще и Приполярную перепись, во время которой экспедиции этнографов и статистиков, передвигаясь от поселка к поселку, собрали уникальный материал о жизни, быте и культуре народов Севера [Андерсон; The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions; Клоков, Зайкер; Glavatskaya, 2011; Уральская экспедиция...]. К сожалению, следующая перепись, назначенная на несчастливый 1937 г. российской истории, стала частью «московского процесса», в ходе которого главные ее руководители были репрессированы, поскольку пришедшая к власти номенклатура была недовольна результатами. Итоги переписи не были опубликованы, вместо этого была проведена внеплановая перепись в 1939 г., «давшая» удовлетворившие власть результаты, которые частично были опубликованы в 1939–1940 гг.

Что касается Веймарской республики, то в ней удалось провести только одну общенациональную перепись в 1925 г., на четыре года позднее очередного международного раунда переписей. Противостояние между национальными и региональными учреждениями привело к тому, что и следующую перепись, которая должна была пройти в 1930 г., также отложили. Пришедшие к власти нацисты провели переписи в 1933 и 1939 гг. По их поводу существует мнение, что информация о местонахождении евреев и представителей других преследуемых меньшинств, содержащаяся в переписных листах, могла быть использована фашистами во время Холокоста. Это мнение вызвало настороженное отношение к практике регистрации религии и национальной принадлежности в послевоенной Германии и других европейских странах. Но и без материалов переписей количество жертв гитлеровского режима вряд ли было бы менее значительным. Обманом и угрозами фашисты получали списки с именами и адресами и от представителей преследуемых меньшинств.

Номинативные источники после Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны переписи населения были отложены или вовсе отменены в большинстве европейских стран, практика их проведения возобновилась лишь в послевоенное время. Что касается стран Нового света, то они воспользовались относительно мирным периодом своей истории, чтобы начать сотрудничество по проведению переписей. Этот опыт был в дальнейшем использован Организацией Объединенных Наций и распространен в других странах вместе с навыками контроля за их проведением.

Советский Союз смог вернуться к практике регулярного проведения переписей лишь в 1959 г., а в 2010 г. Россия провела очередную перепись одновременно с рядом других стран, включившись в общемировой график. В Германии были свои проблемы, в частности из-за антипереписных кампаний, в ходе которых активисты требовали установления анонимных форм переписи ради защиты неприкосновенности частной жизни. В новом тысячелетии, однако, Германия выполнила требования Евростата и включила в переписной лист обязательное поле с указанием имени и необязательное — с указанием религии [Goyen]. Эти факты доказывают значение международного сотрудничества в целях повышения качества переписей населения во всем мире.

Между тем, все еще существуют страны и группы людей в отдаленных местах, где не проводятся переписи населения. Африканские государства: Конго (2007)¹¹, Центрально-Африканская Республика (2003), Эритрея, Сомали (1987), Западная Сахара и Мадагаскар (1993) не проводили учета населения в очередном раунде национальных переписей в 2010 г. В Азии к числу таких стран относятся Ирак (1997), Сирия (2004), Йемен (2004), Узбекистан (1989), Пакистан (1988) и Афганистан (1979)¹². Из числа европейских стран лишь Украина (2001) несколько раз откладывала проведение национальной переписи, назначенной на 2011 г., и, в конце концов, отменила ее вовсе. Все остальные страны, входившие до 1991 г. в состав СССР, хотя и с опозданием, но провели национальные переписи населения.

Заключение

Обзор этапов эволюции номинативной регистрации населения позволяет предположить, что традиция эта, зародившись на Востоке, была привнесена в Европу из России. Практика ведения учета населения с указанием имен существовала в России с XIII в., в то время как большинство переписей, проведенных в первой половине XIX в., в том числе в США, Великобритании и Норвегии, не являлись номинативными из соображений экономии или опасения, что власти, получив списки имен, могли ужесточать контроль за регионами. Первая

¹¹ В скобках указан год, когда перепись населения была проведена в данной стране в последний раз.

¹² Подробную информацию см.: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/censusdates.htm> (дата обращения: 15.07.2016).

общенациональная номинативная перепись населения на Западе была проведена в Дании лишь в 1801 г. Важную роль в развитии переписей современного типа и их стандартизации сыграл талантливый бельгийский академик Адольф Кетле, автор базовых принципов проведения переписей и инициатор международного сотрудничества в области статистики.

Программа Организации Объединенных Наций по проведению переписей населения на общемировом уровне, к сожалению, так и не была полностью реализована. Тем не менее, многое было достигнуто: только две из африканских стран не имеют данных о своем населении и менее десяти не смогли провести ни одной переписи в наступившем XXI в. Существует проблема учета лиц без определенного места жительства, беженцев или тех, кто проживает в небезопасных районах, куда переписчики просто боятся заглядывать. Сомнения в точности данных современного учета возникают и в других случаях. Например, когда каждый из находящихся в разводе родителей записывает детей в свои новые семьи, в результате чего они оказываются зарегистрированными дважды. Искажения в статистическом учете случаются и тогда, когда иммигранты возвращаются на родину, не извещая об этом органы власти. Так произошло с тысячами сезонных рабочих из Восточной Европы, которые до сих пор числятся в Центральном реестре населения Норвегии, хотя давно покинули страну.

В конце XX в. ряд стран отказались от практики заполнения переписных листов и вместо этого конструируют переписи на основе информации, хранящейся в электронном виде и других системах учета: например, БД организаций социальной защиты населения, которая включает индивидуальные данные и уникальный идентификационный номер каждого гражданина. Другие статистические агентства сочетают переписи, сконструированные на основе реестров населения, с дополнительной информацией, получаемой с помощью рассылки специальных форм для сбора недостающих сведений о месте жительства. Использование реестров снизило стоимость переписей, и это дает основания полагать, что многие государства последуют этому примеру в будущем. Проблема заключается в том, что некоторые страны, например, США, Франция и Германия, должны сначала создать центральные реестры населения, что само по себе является дорогостоящим предприятием и может спровоцировать протесты со стороны защитников идеи неприкосновенности частной жизни. Существует также опасность того, что некоторые характеристики населения в переписях, сконструированных на основе реестров, могут быть искажены даже больше, чем при использовании обычных переписных листов, поскольку информация о маргинальных группах в реестрах, как правило, не обновляется.

Помимо проведения переписей учет населения осуществлялся и в рамках регистрации жизненно важных событий в метрических книгах и ежегодно обновляемых реестрах. Объединение данных переписей с информацией из метрических книг и других номинативных источников дает уникальную возможность конструирования исторически непрерывных реестров населения. Поскольку круг номинативных источников на Западе уже выявлен, оцифрован

и в значительной степени введен в научный оборот, а в России этот процесс только начинается, можно вполне согласиться с мнением доктора истории Миколая Жолтычека, вынесенным в эпитафию к этой статье, о том, что будущее исторической демографии действительно связано с Россией.

Андерсон Д. Дж. Туруханская экспедиция приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Дж. Андерсон. Красноярск : Поликор, 2005.

Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. А. Л. Хорошкевич ; пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М. : Памятники исторической мысли, 2008.

Главацкая Е. М., Торвальдсен Г. Т. Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв.: проект создания Регистра населения Урала // Специальный выпуск. Материалы XV конференции ассоциации «История и компьютер». Москва, 7–9 октября 2016 года. М. : МАКС пресс, 2016. (В печати).

Главацкая Е. М. Религиозные сообщества и демографические процессы в материалах церковного учета: методы статистического анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 4 (145). С. 262–271.

Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937. По материалам Всесоюзной переписи населения // Ист. вестн. 2000. № 5 (1). С. 105–114.

Клоков К. Б., Зайкер Д. П. Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми / отв. ред. К. Б. Клоков и Д. П. Зайкер. СПб. : МПСС, 2010.

Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись 1926–1927 гг. / авт.-сост. Е. М. Главацкая, Ю. В. Ключкина-Боровик. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.

Anderson M. J. The American census: a social history. New Haven : Yale Univ. Press, 1988.

Bouchard G., Roy R., Otis Y. Registre de population et substitutions nominatives // Population (French Edition). 1985. Vol. 40 (3). P. 473–490.

Chackiel J. Censuses in Latin America: new approaches. Symposium on Global Review of 2000 Round of Population and Housing Censuses: Mid-Decade Assessment and Future Prospects. New York : Statistics Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations Secretariat, 2001 [Electronic resource]. URL: http://unstats.un.org/unsd/demog/docs/symposium_01.htm (accessed: 15.07.2016).

Domschke E., Goyer D. The handbook of national population censuses : Africa and Asia. New York : Greenwood Press, 1986.

Dyrvik S. Historisk demografi. Ei innføring i metodane. Bergen : Universitetsforlaget, 1983.

Edlund T. K. The Russian National Census of 1897 // AVOTAYNU. 2000. № 16 (3). P. 29–39.

Eurostat 2011. Population census framework Factsheets on population censuses in the Enlargement countries. 2013 [Electronic resource]. URL: https://circabc.europa.eu/sd/a/aa6b9065-45f5-48f7-9262-0a067584b48b/EU_Enlargement_countries_census_Factsheets_upd-Mar2014.pdf (accessed: 15.07.2016).

Glass D. V. Numbering the people. The eighteenth-century population controversy and the development of census and vital statistics in Britain. Farnborough, Hants : Saxon House, 1973.

Glavatskaya E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2011. P. 97–117.

Glavatskaya E. Polygamy among indigenous people of northern West Siberia in ethnographic and early census materials // The History of the Family. 2016. № 21 (1). P. 87–100.

Goyer D. The handbook of national population censuses — Europe. New York : Greenwood Press, 1992.

Henry L. Historical Demography // Historical Population Studies. 1968 (Spring). P. 385–396.

- Hobsbawm. E. J.* Nations and nationalism since 1780 : programme, myth, reality. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lie E.* Socioeconomic categories in Norwegian censuses up to about 1960 // Nordic demography: trends and differentials / ed. by J. Carling. Oslo : Nordic Demographic association, 2002. P. 31–52.
- Lie E., Roll-Hansen H.* Faktisk talt: statistikkens historie i Norge. Oslo : Universitetsforl, 2001.
- Olson R.* The Emergence of the Social Sciences 1642–1792. New York : Twayne Publishers, 1993.
- Quetelet A.* Sur le recensement de la population de Bruxelles en 1842 // Bulletin de la Commission Centrale de Statistique de la Belgique. Brussels : Commission Centrale de Statistique, 1843. Vol. 1. P. 27–164.
- Skolnick M.* The construction and analysis of genealogies from parish registers: with a case study of Parma Valley, Italy. Ann Arbor : Univ. Microfilms International, 1975.
- The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions / ed. by D. G. Anderson. New York ; Oxford : Bergahn Books, 2011.
- Thorvaldsen G.* Håndbok i registrering og bruk av historiske persondata. Oslo : Tano Aschehoug, 1996.
- Thorvaldsen G.* Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Present or Absent // Historical Methods. 2006. Vol. 39 (2). P. 82–96.
- Thorvaldsen G.* Using NAPP Census Data to Construct the Historical Population Register for Norway // Historical Methods. 2011. Vol. 44 (1). P. 37–47.
- Thorvaldsen G.* Religion in the census // Social science history. 2015. Vol. 38 (1–2). P. 203–220.
- Thorvaldsen G.* Three centuries of northern population censuses // The History of the Family. 2016. 21 (1). P. 1–4.
- Woollard M.* The International Statistical Congresses and their influence on the taking of the nineteenth century censuses. Colchester : Univ. of Essex, 2002.

Статья поступила в редакцию 17.07.2016 г.

Торвальдсен Гюннар Тригвиевич

PhD, профессор,
директор Центра исторической
документации
Университет Тромсё
9037, Тромсё, Норвегия
главный научный сотрудник
Международный центр
демографических исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

Thorvaldsen, Gunnar

PhD (History), Professor, Manager of Research,
Norwegian Historical Data Centre
University of Tromsø
9037 Tromsø, Norway
Chief Research Fellow
International Centre of Demographic Research
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 62000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

**NOMINATIVE DATA AND GLOBAL CENSUS HISTORY:
RUSSIA AND THE WEST**

The article presents an original, comprehensive analysis of the evolution of the civil registration system in the world, based on wide empirical materials. The emphasis is on how information about the population in the Western countries and Russia has traditionally been collected. The development of the methods for taking the earliest censuses; the transition from numeric to nominative censuses and the development

of international standardization; it is hypothesized that the practice of registration of the population came to Europe through Russia. Belgian academician Adolphe Quetelet played an important role in the formulation of the basic principles of modern census taking, and thanks to the development of international cooperation in the sphere of population enumeration, most countries established a more standardized methodology.

Population statistics were complemented with records of vital events in the church protocols from the 16th century. In addition, from the 18th century onwards, some countries conducted annually updated population registers. Combining census information from parish registers and other nominative sources of data provides a unique opportunity — to construct a historically continuous population register. In the late 20th century, some Western European countries started to combine their population registries with other electronic sources for the construction of national censuses.

Since the range of nominative sources in the West has been identified, digitized and largely introduced in scholarly work, while in Russia this process has just begun, it can be argued that the future of innovative historical demography lies in Russia.

Key words: nominative data; historical population registers; history of the census; population censuses; Russia and the West; church books; microdata.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation*, Grant #16-18-10105 “Ethno-religious and Demographic Dynamics in Mountainous Eurasia around 1900. A Comparison of the Urals and Scandinavia”.

Translated from English by E. Glavatskaya, 2016.

Anderson, M. J. (1988). *The American Census: A Social History*. New Haven: Yale University Press.

Anderson, D. (Ed.). (2005). *Turukhanskaia ekspeditsiia pripoliarnoi perepisi: Etnografiia i demografiia malochislennykh narodov Severa: sbornik nauchnykh trudov* [Turukhansk Expedition of the Polar Census: Ethnography and Demography of Indigenous Peoples of the North: Proceedings]. Krasnoyarsk: Polikor. (In Russian)

Anderson, D. (Ed.). (2011). *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.

Bouchard, G., Roy, R., & Otis, Y. (1985). Registre de population et substitutions nominatives [Population Registers and Nominative Links]. *Population (French Edition)*, 40 (3), 473–490. (In French)

Chackiel, J. (2001). *Censuses in Latin America: New Approaches. Symposium on Global Review of 2000 Round of Population and Housing Censuses: Mid-Decade Assessment and Future Prospects*. New York: Statistics Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations Secretariat. Retrieved from http://unstats.un.org/unsd/demog/docs/symposium_01.htm

Domschke, E., & Goyer, D. (1986). *The Handbook of National Population Censuses: Africa and Asia*. New York: Greenwood Press.

Dyrvik, S. (1983). *Historisk demografi. Ei innføring i metodane* [Historical Demography: An Introduction to Methods]. Bergen: Universitetsforlaget. (In Norwegian)

Edlund, T. K. (2000). The Russian National Census of 1897. *AVOTAYNU*, 16 (3), 29–39.

Eurostat. (2013). *2011 Population Census Framework Factsheets on Population Censuses in the Enlargement Countries*. Luxembourg: The European Commission.

Gerbershtein, S. (1973). *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. A. L. Khoroshkevich (Ed.), A. I. Maleina, & A. B. Nazarenko (Transl.). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli. (In Russian)

Glass, D. V. (1973). *Numbering the People. The Eighteenth-century Population Controversy and the Development of Census and Vital Statistics in Britain*. Farnborough: Hants, Saxon House.

Glavatskaya, E. (2011). Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. In D. Anderson (Ed.), *The 1926/27 Soviet Polar census Expeditions* (pp. 97–117). New York; Oxford: Berghahn Books.

Glavatskaya, E. M. (2015). Religioznye soobshchestva i demograficheskie protsessy v materialakh tserkovnogo ucheta: metody statisticheskogo analiza [Religious Communities and Demographic Processes in Church Books: Methods of Statistical Analysis]. *Izvestia Ural'skogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 4 (145), 262–271. (In Russian)

Glavatskaya, E. (2016). Polygamy among Indigenous People of Northern West Siberia in Ethnographic and Early Census Materials. *The History of the Family*, 21 (1), 87–100.

Glavatskaya, E. M., & Klykina-Borovik, J. V. (Eds.). (2013). *Ural'skaia ekspeditsiia na Obdorskom Severe: Pripoliarnaia perepis' 1926–1927 gg.* [A Ural Expedition in Yamal: Polar Census of 1926–27]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Glavatskaya, E., & Thorvaldsen, G. (2016). Etno-religioznaia i demograficheskaia dinamika v gornoi Evrazii v kontse XIX – nachale XX vv.: proekt sozdaniia Registra naseleniia Urala [Ethno-religious and Demographic Dynamics between the Late 19th and Early 20th Centuries in Mountainous Eurasia: A Ural Population Register Project]. *Spetsial'nyi vypusk. Materialy XV konferentsii assotsiatsii «Istoriia i komp'uter»*. Moskva, 7–9 oktiabria 2016 goda. Moscow: MAKS press. (In print). (In Russian)

Goyer, D. S. (1992). *The Handbook of National Population Censuses: Europe*. New York: Greenwood Press.

Henry, L. (1968, Spring). Historical Demography. *Historical Population Studies*, 385–396.

Hobsbawm, E. J. (1992). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Klokov, K. B., & Zaiker, D. P. (2010). *Pripoliarnaia perepis' 1926/27 gg. na Evropeiskom Severe. Arkhangel'skaia guberniia i avtonomnaia oblast' Komi* [Polar Census of 1926–27 in the European North. Arkhangelsk Province and the Autonomous Region of Komi]. Saint Petersburg: MPSS. (In Russian)

Lie, E. (2002). Socioeconomic Categories in Norwegian Censuses up to about 1960. In J. Carling (Ed.), *Nordic Demography: Trends and Differentials* (pp. 31–52). Oslo: Nordic Demographic association.

Lie, E., & Roll-Hansen, H. (2001). *Faktisk talt: statistikkens historie i Norge* [Factually Speaking: The History of Statistics in Norway]. Oslo: Universitetsforlaget. (In Norwegian)

Olson, R. (1993). *The Emergence of the Social Sciences 1642–1792*. New York: Twayne Publishers.

Quetelet, A. (1843). Sur le recensement de la population de Bruxelles en 1842 [About the Population Census in Brussels in 1842]. *Bulletin de la Commission Centrale de Statistique de la Belgique* (Vol. 1, pp. 27–164). Brussels: Commission Centrale de Statistique. (In French)

Thorvaldsen, G. (1996). *Håndbok i registrering og bruk av historiske persondata* [Guide to the Transcription and Use of Historical Microdata]. Oslo: Tano Aschehoug. (In Norwegian)

Thorvaldsen, G. (2006). Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Absent or Present. *Historical Methods*, 39 (2), 82–96.

Thorvaldsen, G. (2011). Using NAPP Census Data to Construct the Historical Population Register for Norway. *Historical Methods*, 44 (1), 37–47.

Thorvaldsen, G. (2015). Religion in the Census. *Social Science History*, 38 (1–2), 203–220.

Thorvaldsen, G. (2016). Three Centuries of Northern Population Censuses. *The History of the Family*, 21 (1), 1–4.

Woollard, M. (2002). *The International Statistical Congresses and Their Influence on the Taking of the Nineteenth Century Censuses*. Colchester: University of Essex.

Zhiromskaia, V. B. (2000). Religioznost' naroda v 1937. Po materialam Vsesoiuznoi perepisi naseleniia [Soviet People's Religiousness according to the Materials of the All-Union Census of 1937]. *Istoricheskii vestnik*, 5 (1), 105–114. (In Russian)

Received 17 July 2016